

МИГЕЛЬ ДЕ УНАМУНО

*Житие Дон Кихота и Санчо
по Мигелю де Сервантесу Сааведре,
объясненное и комментированное
Мигелем де Унамуно*

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)
У58

MIGUEL DE UNAMUNO
Vida de Don Quijote y Sancho
según Miguel de Cervantes Saavedra,
explicada y comentada por Miguel de Unamuno
1905

Перевели с испанского
П. Глазова, А. Косс, С. Николаева

Унамуно М., де

У58 Житие Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Сааведре, объясненное и комментированное Мигелем де Унамуно / Мигель де Унамуно ; [вступ. ст., примеч. К. Корконосенко, пер. с исп. П. Глазовой, А. Косс, С. Николаевой]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 414 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-10694-0

«Житие Дон Кихота и Санчо» — уникальное произведение выдающегося испанского философа и писателя, представителя так называемого поколения 98-го года Мигеля де Унамуно (1864—1936). Он осмысляет Дон Кихота как испанского Христа, который неустанно проповедует свое учение, обретает апостола — Санчо Пансу и претерпевает страсти — злые шутки герцогской четы. «Кихотизм» для Унамуно — подлинная испанская национальная религия, а роман Сервантеса — новая библия человечества. Философ пишет: «Величие Дон Кихота в том, что он был осмеян и побежден, ибо, будучи побежденным, он был победителем: он властвовал над миром, предоставляя ему смеяться над собой». Эта книга — не только о героях Сервантеса, не только об Испании Дон Кихота Ламанчского и дона Мигеля де Унамуно; она — о том, что и сегодня, спустя почти сто двадцать лет после выхода «Жития» в свет, Дон Кихот живет в душе каждого из нас.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)

- © Глазова П. Н., наследники, перевод на русский язык, 2024
- © Косс А. М., наследники, перевод на русский язык, 2024
- © Николаева С. П., наследники, перевод на русский язык, 2024
- © Корконосенко К. С., вступительная статья, примечания, 2024
- © Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии»,
ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2024

ISBN 978-5-517-10694-0

КИХОТИЗМ — ИНДИВИДУАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ МИГЕЛЯ ДЕ УНАМУНО

До недавних пор имя Мигеля де Унамуно-и-Хуго (1864—1936), ярчайшей личности в Испании первой трети XX века, было известно у нас в стране лишь сравнительно небольшому кругу специалистов — испанистов, философов, историков литературы. Объяснение тому, что духовный лидер «поколения 98 года», одного из интереснейших явлений в истории испанской культуры, не оказал значительного влияния на формирование «образа Испании» у российских читателей, нужно искать в сфере идеологии: Унамуно не был в числе тех, кто выступил в 1920—1930-е годы в поддержку Советской России; неоднозначным было его отношение к Испанской республике; в его «агонических» романах нелегко было найти черты реализма; в философии Унамуно был тем, что позже получило название «экзистенциалист», причем экзистенциалист религиозный, — его философские труды, вдохновленные «трагическим чувством жизни», посвящены исканию Бога и попыткам разрешить проблему личного бессмертия; теми же идеями проникнуто и все творчество испанского «будоражителя душ» — поэта, писателя, драматурга, публициста.

Все эти факторы не могли не сыграть свою роль: художественные произведения Унамуно в Советском Союзе публиковались мало¹, философские не публикова-

¹ Три новеллы Унамуно в русском переводе были напечатаны еще при жизни писателя (см.: *Унамуно М. де.* 1) Две матери. М., 1927; 2) Три повести о любви. М., 1929); в 1960—1980-х гг. были изданы сборник «Назидательные новеллы» (М.; Л., 1962), два романа в серии «Библиотека всемирной литературы» (*Унамуно М. де.* Туман. Авель Санчес; *Валье-Инклан Р. дель.* Тиран Бандерас; *Бароха П.* Салакаин отважный. Вечера в Буэн-Ретира. М., 1973), небольшая книжка поэтических переводов С. Гончаренко (М., 1980) и двухтомник «Избранное» (Л., 1981).

лись вообще. Сходная ситуация сложилась и в исследовательской литературе: если за рубежом творчеству Унамуно посвящены десятки книг, то отечественные исследователи-испанисты рассматривали его художественное и философское наследие в статьях, отдельных главах и фрагментах работ на более широкие темы.

Отношение к творчеству Унамуно стало меняться в последние годы. В 1996 году вышли в свет два его главных философских труда — «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» и «Агония христианства». В 2000 году опубликованы такие издания, как «Святой Мануэль Добрый, мученик» (сборник содержит первую и последнюю книги прозы испанского писателя — «Мир среди войны» и «„Святой Мануэль Добрый, мученик“ и еще три истории») и «Авель Санчес: Повесть. Тетя Тула: Роман». Защищено несколько диссертаций, в которых затрагиваются проблемы творчества Унамуно.

* * *

В 2002 году в серии «Литературные памятники» (СПб., «Наука») впервые на русском языке было издано «Житие Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Сааведре, объясненное и комментированное Мигелем де Унамуно» (так же как и большинство «кихотистских» эссе и стихотворений Унамуно). В Испании это произведение вышло в свет в 1905 году — через триста лет после появления первой части «Дон Кихота» Сервантеса, но, как не раз отмечал сам автор «Жития Дон Кихота и Санчо», его книга совсем не юбилейного характера. Несомненно, однако, что для Унамуно важно было выступить со своим толкованием «Дон Кихота» именно в год общенациональных пышных торжеств. «Официальные празднества, ознаменовавшие юбилей, представляли собой уже архаичную „постбарочную“ форму, которой противостоял воинственный призыв Унамуно отвоевать гробницу Дон Кихота»¹.

¹ Historia de literatura española. Madrid, 1998. Siglo XIX (II). P. XXVI–XXVII.

Этот новый способ восприятия текста был характерен для идейного течения, которое впоследствии будет названо «поколением 98 года» — в память об Испано-американской войне 1898 года, окончившейся бесславным поражением экономически отсталой Испании и потерей ею заокеанских колоний¹.

Именно «поколению 98 года» принадлежит заслуга второго открытия романа Сервантеса в Испании. В XIX веке Дон Кихот стал одним из «мировых» литературных образов: черты Рыцаря Печального Образа различимы в таких непохожих друг на друга героях, как мистер Пиквик и Чичиков, Тартарен и князь Мышкин, Эмма Бовари и Том Сойер (этот ряд легко может быть продолжен); философские и публицистические интерпретации Дон Кихота создавались во Франции, в Германии, Англии, России — но Испанию XIX века процесс творчества с Сервантесом почти не затронул. «Когда <...> Сервантес был признан гениальным, если не первым, писателем, а роман — квинтэссенцией прозрений о месте человека на земле, в Испании благополучно продолжали видеть в „Дон Кихоте“ действенное средство от заблуждений ума и сердца, а в его авторе — одного из писателей, достойного внимания в новое время»². Испанские критики конца XVIII—XIX века (Х. А. Пельисер, Д. Клеменсин, А. де Сааведра) по большей части негативно относились к метафорическим истолкованиям образа Дон Кихота, к стремлению иностранных интерпретаторов видеть в Дон Кихоте один из типов личности. Сервантес воспринимался как тонкий стилист, психолог, бытописатель (не меньшее внимание уделялось и его биографии, во многих отноше-

¹ Справедливо определение В. Ю. Силюнаса: «Собственно, „поколение 98 года“ было не столько поколением кризиса — Испания находилась в состоянии кризиса при многих поколениях подряд, кризис стал перманентным, „естественным“ состоянием Испании, — сколько поколением осознания кризиса. За иллюзорной Испанией представители „поколения 98 года“ открывают Испанию подлинную. Или по крайней мере честно хотят открыть ее» (*Силюнас В. Ю.* Испанская драма XX века. М., 1980. С. 12).

² *Багно В. Е.* Дорогами «Дон Кихота». М., 1988. С. 255.

ниях необыкновенной), а его роман был для испанских ученых объектом скрупулезного текстологического анализа.

* * *

В конце XIX — первой трети XX века Дон Кихот в Испании перестает быть персонажем книги, написанной триста лет назад, и становится явлением действительности, олицетворением современной Испании. О Дон Кихоте как о символе Испании писал не только Унамуно. Асорин, Анхель Ганивет и Рамиро де Маэсту, Антонио Мачадо и Хосе Ортега-и-Гассет также стремились найти в образе Дон Кихота ответы на вопрос о судьбе своей родины. «Дон Кихот стал термином, понятием, притом главным и чаще всего употребляемым в языке, на котором разговаривали друг с другом и с читателем мыслители и писатели той эпохи», — писала И. А. Тертерян¹. Исследовательница характеризует произведения представителей «поколения 98 года», посвященные Дон Кихоту, как «философско-психологические истолкования» образа сервантесовского героя, продолжающие традицию Гейне, Тургенева, Достоевского. «Такое истолкование не всегда подкрепляется историческими и филологическими доказательствами, часто бывает именно психологическим, не принимающим в расчет сложность произведения, где психология героя — лишь часть общей художественной структуры. <...> Но это толкование интересно тем, что обращено к современникам, выдвигается, чтобы ответить на вопросы сегодняшнего дня. Художественный образ отрывается от произведения, от своего демиурга — писателя. Он существует уже сам по себе, и величие его можно измерить также и тем, сколь часто обращаются новые поколения к нему, пытаясь объяснить его в соответствии со своими духовными заботами (а иногда и приспособить к этим заботам)»².

¹ Тертерян И. А. Испытание историей: Очерки испанской литературы XX века. М., 1973. С. 22.

² Тертерян И. А. Философско-психологические истолкования образа Дон Кихота и борьба идей в Испании XX в. // Сервантес и всемирная литература. М., 1969. С. 54—55.

Из персонажа романа Сервантеса Дон Кихот превращается в национальный миф, к которому обращаются всякий раз, когда стремятся разрешить «загадку Испании». Важно отметить, что для «поколения 98 года» Дон Кихот был не единственным олицетворением «духа нации» — и в лучших, и в губительных его проявлениях; он стоит в одном ряду с другими литературными и историческими испанцами: Дон Жуаном, Селестиной, Сехисмундо, Игнатием Лойолой, святой Тересой и т. д. Но в ситуации 1898 года, когда Испания, наследница героической империи, над которой никогда не заходит солнце, потерпела неожиданное и скоротечное поражение от противника, превосходившего ее экономически и технически, хорошо продумавшего ход военной кампании, аналогия с Дон Кихотом оказалась наиболее подходящей и плодотворной для постановки «проблемы Испании». Фраза: «Робинзон победил Дон Кихота» — стала одним из общих мест в испанской публицистике конца 1890-х годов.

Восприятие героя в отрыве от романа, помещение его в современный контекст, обращение к образу Дон Кихота для выражения собственных мыслей о мире и об Испании — эти особенности характерны для «поколения 98 года» и, думается, могут служить одним из отличительных признаков представителей этого течения. «Житие Дон Кихота и Санчо», эссе и стихотворения Унамуно, посвященные Дон Кихоту, несомненно, нужно рассматривать в контексте других ярких и значимых для того времени толкований образа сервантесовского героя.

* * *

Другой, не менее важный контекст для анализа «Жития Дон Кихота и Санчо» — биография, творческий путь и эволюция взглядов самого Унамуно, нераздельно связанные с формированием и трансформацией его концепции кихотизма. Все исследователи творчества мыслителя сходятся в том, что его произведения, его героев и его философию невозможно рассматривать в отрыве от личности их создателя. Поэтому разговор о «Житии Дон

Кихота и Санчо» уместно предварить рассказом о жизни Мигеля де Унамуно¹.

Унамуно родился в Бильбао, столице Страны Басков, в семье коммерсанта. Свои книги он писал по-испански, но родным языком для него был баскский. Ортега-и-Гассет впоследствии утверждал, что данное обстоятельство повлияло на неповторимый стиль Унамуно, на его интерес к этимологии слов: «Когда язык выучен, наше сознание спотыкается о слово как таковое. Вот потому-то Унамуно и останавливается так часто в удивлении перед словом и видит в нем больше того, что оно значит обычно, при повседневном употреблении, когда теряет свою прозрачность»².

Мигелю было восемь лет, когда в Испании началась Вторая карлистская война. Это была гражданская война, война карлистов — сторонников претендента на престол Карла VII — против либералов, приверженцев парламентской монархии короля Альфонса XII. Как и Первая, Вторая карлистская война закончилась победой либералов. Одним из поворотных пунктов войны была длительная, но неудавшаяся осада Бильбао войсками карлистов. Семья Унамуно жила в осажденном городе, от регулярных бомбардировок спасались «в мрачной и сырой пристройке, где было темно даже днем, потому что входная дверь — единственный источник света — была заложена тюфяками»³. Воспоминания об этом времени позже лягут в основу первого романа Унамуно «Мир среди войны» и других произведений.

В 1880 году Унамуно отправляется учиться в Мадрид, в университет. В 1884 году защищает диссертацию «О проблемах происхождения и предыстории басков», получает

¹ Биография Унамуно хорошо изучена и изложена во многих исследованиях; автор настоящей статьи опирается главным образом на очерк «Мигель де Унамуно» из книги И. А. Тертерян «Испытание историей».

² *Ортега-и-Гассет Х.* На смерть Унамуно / Пер. А. Матвеева // Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1994. С. 298.

³ *Унамуно М. де.* История бумажных птичек / Пер. В. Михайлова // Унамуно М. де. Избранное. Т. 2. С. 194.